

**ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ ПРИ
ХАБАРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ
ПРИАМУРСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

ВЕСТНИК

**История международных отношений
в Тихоокеанском регионе**

№ 1

Хабаровск 2000

Американской компании, хотя именно эта причина вызывает сомнение, т.к. сложившиеся к тому времени дружеские взаимоотношения между Россией и США позволили им продать Аляску.

16 декабря 1866 г. правительство Александра II приняло решение о продаже, 18 марта 1867 г. договор был подписан. Цена американских владений России была определена в 7 200 000 долларов золотом^{vii}.

Так закончилась славная история освоения русскими землепроходцами земель на материке Северной Америки, в ходе которой складывалось сотрудничество в деле освоения природных ресурсов двух великих народов, имевшее затем неоднократное продолжение, активно развивающееся сегодня.

^v См.: 1) Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. - М., 1971; 2) Дивин В.А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. - М., 1971; 3) Алексеев А.И. Судьба Русской Америки. - Магадан, 1975; 4) Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. - М., 1984 и др.

¹ Болховитинов Н.Н. Открытие Россией Северо-Запада Америки (1732-1741). - М., 1990. - С. 27.

² Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. - М., 1968.

³ См.: Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири... и Восточному океану. 2 изд. - М., 1952.

⁴ См.: Там же. - С.15.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Русская Америка. - М.: "Мысль", 1994. - С.24¹

Нестерова Е. И.
Владивосток, ДВГТУ

Русская администрация и иностранные колонисты (к вопросу о возможности реализации либеральной модели колонизации на Дальнем Востоке в середине 19 века)

Работа выполнена при поддержке министерства образования РФ

В 19 в. за Россией и США закрепляются статусы тихоокеанских держав – США, осваивают дикий Запад, продвигаясь к тихоокеанскому побережью, Российская империя приобретает Амур и Уссурийский край. Но на противоположных берегах Тихого океана применяются две различные модели освоения территории – в США – либеральная модель колонизации, в России – включение края в государство в рамках процесса имперского строительства. А. де Токвилль писал о США и России: «у них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира» (1, с. 296).

США стали образцом либеральной колонизации, для которой характерны невмешательство государства в колонизационный процесс, развитие местного самоуправления, обеспечение свобод личности, слова и т.д. По мнению А. де Токвилля существование свободы выбора было залогом свободы, правительство же являлось той сдерживающей силой, к которой можно прибегать лишь в тех случаях, когда частная инициатива бессильна. Иным фактором, обеспечи-

вавшим существование свободы, он называл децентрализацию: «лишь сам человек, общество, город, народ имеют право определять свои интересы, до тех пор, пока они не наносят ущерба другим, никто не должен вмешиваться в их дела» (1, с. 10). Понятие свободы становится ключевым в либеральной модели колонизации.

«В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека. Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека» (1, с. 296). В России развитие указанного региона происходило в условиях существования неограниченной монархии, при приоритете общегосударственных интересов, над региональными. Экономическая целесообразность и политическая необходимость – два полюса, между которыми формируется внутренняя дальневосточная политика. Несмотря на стремление к развитию самостоятельной экономической жизни, задачи политические остаются всегда на первом месте. Вопреки природным богатствам, выгодному геополитическому положению, край до самой революции оставался тяжелым бременем для общероссийского бюджета, покрывая собственными доходами лишь 1/5 своих расходов. (2, с. 6). За 1892 – 1907 гг. бюджетные расходы Приамурского края превысили получаемые доходы на 0, 5 млрд. руб., т.е. сумма расходов была в 6 раз выше, чем доходов (3, с. 83).

После официального закрепления Приамурья и Приморья за Россией возник вопрос о модели колонизации. Во многом будущее региона было связано с доминирующим пониманием значения и места этой территории в Российской империи – иными словами от того, была ли эта территория осмыслена как колония, либо как важная в стратегическом отношении часть России. Таким образом, к началу 60-х годов прошлого века актуализировались как вопросы теоретического осмысления статуса региона, так и необходимость практических шагов в области административно-территориального устройства.

Целям и задачам колонизации азиатских окраин империи были посвящены 1861 г. заседания Политико-экономического комитета Русского географического общества. В процессе обсуждения отчетливо выявилось два подхода к колонизации окраин. В рамках первого отмечались принципиальные отличия сибирских и дальневосточных земель от колоний типа Индии для Англии или Кубы для Испании. Поэтому, как утверждал П.Ф. Лилленфельд, оставить сибирские земли незаселенными означало «оставить при живом государственном теле безжизненную глухую часть, которая будет напрасно затруднять развитие народной жизни внутри государственного тела». Он призывал не скупиться на затраты и «быть готовым пожертвовать настоящим во имя будущего» (4, с.19)

Противоположный взгляд на колонизацию окраин высказывал барон Е.К. Мейендорф. С его точки зрения, последние приобретения в Азии (речь, прежде всего, шла об амурских землях) не представляли экономических выгод для России, а только отнимали «у нас и время, и силы замечательных деятелей» (4, с.20). Основными аргументами сторонников этой позиции были ссылки на мировой исторический опыт, который демонстрировал наличие сепаратистских

устремлений у колоний. В конечном итоге обсуждение сместилось в плоскость выяснения прочности связи Сибири с центром. Точку в несколько затянувшемся споре поставил великий князь Константин Николаевич, выразивший недоумение, по поводу мысли «будто соединение Азиатских губерний с губерниями России, находящимися в Европе, было непрочно». Он потребовал исключить из программы деятельности II Сибирского комитета положение, трактующее Восточную Сибирь в качестве колонии (4, с.22).

Анализ позиции центра, приведенный А.В. Ремневым, доказывает, что высшая администрация была не склонна рассматривать Сибирь в качестве колонии в европейском понимании этого термина. Тем не менее, даже в начале 20 в. в официальных текстах, документах применительно к Дальнему Востоку продолжает употребляться термин «колония». Показательна в этом отношении речь П.А. Столыпина, произнесенная в Государственном Совете 31 мая 1908 г., в которой он достаточно недвусмысленно указывал, на то, что «у России нет и не будет других колоний, что наши дальневосточные владения являются единственными нашими колониальными владениями». (5, С. 166)

Отсутствие ясности в этом вопросе не способствовало формированию последовательного курса в отношении региона. На протяжении всего 19 в. «правительственная политика зависела в значительной степени от разрозненных подчас сиюминутных ведомственных интересов, от непоследовательной во взглядах и решениях местной высшей администрации» (6, с. 17).

Одна из составляющих либеральной модели колонизации – свобода переселения – любой человек может принять участие в колонизации. Рассмотрим этот аспект колонизации Дальнего Востока, обозначив отношение русской администрации к возможности появления иностранных колонистов.

В ноябре 1858 г. Сибирский комитет, обсуждавший Правила о заселении Амурского края признал полезным допущение в край иностранцев. В 1860 г. с проектом заселения края выступил Н. П. Игнатьев, предложивший «для заселения бесплодной части Амура ниже Хабаровки до Николаевска составить особые правила для поселяющихся в этой местности колонистов – выходцев из-за границы» (7, с. 50-51). Одно из наиболее ранних свидетельств позиции Н.Н. Муравьева-Амурского по этому вопросу выражено в ответе на ходатайство американского гражданина Д. К. де Фриза о разрешении поселения на берегах Амура 30 семейств немецких и голландских колонистов из Европы и Америки. Будучи противником заселения устья Амура иностранцами, генерал-губернатор Восточной Сибири «не желая его удерживать через ожидание позволения от высшего правительства», просил довести до сведения де Фриза – «внутри государства могут поселяться только лица, которые являются подданными Российского государства». В случае принятия русского подданства, американцы могли рассчитывать на получение выбранных ими участков земли на 25 лет в бесплошное владение. На этих землях разрешалась постройка фабрик для переработки сельскохозяйственного продукта без уплаты купеческих сборов. Колонисты объявлялись свободными от рекрутских наборов. Правила, касающиеся внутреннего устройства колоний, предполагалось выработать со временем (8, л. 1). Итак, для Муравьева-Амурского эта территория представляла собой неотъ-

емлемую часть государства, поэтому основным условием поселения иностранцев было принятие ими российского подданства.

Несмотря на различные исторические условия развития США и России дальневосточной русской администрации представлялось полезным использование американского колониационного опыта. Оценивая политический расклад сил в регионе, Н.Н. Муравьев-Амурский предрекал, что на Тихом океане будут доминировать только две нации: США на востоке, Россия на западе. В 1860 г. чиновник для особых поручений коллежский асессор А.И. Малиновский обратился к военному губернатору Амурской области с прошением о командировке в США. Отмечая сходство Амурского края с западными частями Северо-Американского материка, он полагал полезной командировку для ознакомления с системой и ходом колонизации в Северо-Американских соединенных штатах и изучения, как правительственных мер способствовавших быстрому заселению западных штатов, так и опыту переселенцев, устраивавшихся в пустынных землях (9, л. 2.). Вопрос о мерах, стимулировавших заселение Дальнего Востока, не снимался с повестки дня в течение всего периода с момента присоединения Приамурья и Приморья, тем привлекательнее представлялся американский опыт – за первые тридцать лет 19 столетия население США увеличилось с 5 млн. человек до 13 млн. (1, с. 274) Любопытно, что в качестве конечной цели своей поездки, Малиновский избрал западные штаты, а ведь именно с Западом США связывал возникновение американской демократии Дж. Ф. Тернер в знаменитой работе «Роль границы в американской истории» (1893). По словам Тернера, «существование свободной земли, ее постоянное отступление, и возникновение американских поселений на Западе, объясняют американское развитие. (...) Свободная земля Запада, явилась клапаном безопасности для недовольных восточных масс и дала импульсы национализации, которые связали свободную конфедерацию государств сильным центральным правительством» (10, р. 64).

Идея А.И. Малиновского получила одобрение во всех инстанциях – от военного губернатора Амурской области до императора, и судьба командировки была решена положительно. Параллельно возник вопрос о возможности создания славянской (чешской) колонии в Приморье. Анализ проекта правил для заселения славянами Приамурского края (11, л. 50-60), одобренного Корсаковым, показывает, что в их основу были положены принципы либерализма. Славянам предоставлялось право самостоятельного выбора земель для поселения, колонисты должны «сами устроить внутреннее управление» и избрать должностных лиц, провозглашалась свобода вероисповедания, (в России оно было официально введено лишь в 1905 г.), отменялись телесные наказания, разрешалось учреждение собственного суда для рассмотрения гражданских дел. Членом обществ мог стать любой русский подданный, а не только славянин-колонист. Однако реализация проекта столкнулась как с финансовыми сложностями, так и с соображениями политической нецелесообразности и 4 июня 1865 г. император утвердил решение Сибирского комитета, отложившего вопрос о переселении до более благоприятного времени. Таким образом, проект чешской

колонии являлся одним из нереализованных шансов применения либеральной модели колонизации на Дальнем Востоке.

Территория, отошедшая к России в результате заключения Айгуньского и Пекинского договоров, реально включается в процесс имперского строительства указами от 26 марта и 27 апреля 1861 г., когда провозглашается свободное заселение, как Амура, так и Уссурийского края. «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» (26 марта 1861 г.), государство декларировало возможность либерального варианта колонизации. Амурская и Приморская области были объявлены открытыми для заселения «крестьянами, не имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желающими переселиться за свой счет». Свободные участки казенной земли передавались всем желающим во временное пользование или продавались, в собственность по 3 руб. за десятину. Указом Сената от 27 апреля 1861 г. переселенцам были представлены значительные льготы: переселенцы освобождались в течении 10 наборов от рекрутской повинности, в течение 20 лет от поземельного налога, навсегда от подушной подати. Причем принять участие в освоение этой территории может, согласно указу, любой человек, включая иностранцев. Таким образом, складывались благоприятные условия для реализации либеральной модели заселения, такой, как описана, например, в записке контр-адмирала Лихачева (1862): «...свободная колонизация и правильный образ передачи земель в несомненную и полную собственность колонистов, могут обеспечить прилив в новую страну полезных колонистов, то есть таких, которые принесут с собой капиталы, которые заключаются не в одних деньгах, но и в предприимчивости, уме и здоровых мышцах» (12, л. 5). Роль правительства, по его мнению, должна была заключаться лишь в покровительстве и поощрении переселения в Приморскую область, и регуляции слишком большого прилива переселенцев, в том числе и иностранного элемента, «который бы мог грозить опасностью, в будущем для национальности страны» (12, л. 6 об.) Обязательной чертой административного устройства Приморской области Лихачев считал введение свободных муниципальных учреждений и самоуправления колонистов.

Практический интерес к переселению на русский Дальний Восток возник во многих странах. Русский посланник в Пекине Е.К. Бюцов просил уточнений у Корсакова (1869) разрешено ли поселение иностранцев на Амуре, ссылаясь на конкретные запросы англичан, проживавших на Филиппинах, а, также с общая, что во время его пребывания в Японии к нему «не раз обращались иностранцы за разъяснениями относительно покупки в крае поземельной собственности» (13 л. 71). Несмотря на то, что с одной стороны, существовал определенный интерес иностранных граждан к переселению на новые российские земли, а с другой была объективная необходимость в иностранных специалистах, предпринимателях, однако полноценная реализация либеральной модели была ограничена политическими интересами России.

Е.К. Бюцову было разъяснено, что, несмотря на принятие закона, разрешавшего поселение иностранцев на Амуре, тем не менее, «в новом приобретенном крае необходимо было усилить русский элемент населения прежде, не-

жели допустить туда иностранных переселенцев», поэтому «вводение сих последних если не запрещалось, безусловно, то, по крайней мере, не поощрялось» (13 л. 72 об.).

Не были реализованы проекты создания на Дальнем Востоке американской, немецкой, чешской колоний, ни одна из проектировавшихся европейских колоний в Приамурье как нечто целое не состоялась. Тем не менее, переселение, (но не колонизация) до 1882 г. обладало рядом характерных для либеральной модели – оно было добровольным, естественным, стихийным, при минимальном участии государства. Однако, несмотря на дарованные льготы, темпы заселения края подданными Российской империи оставались низкими

Д. Даллин приводит следующую динамику заселения Дальнего Востока России и стран соседей по АТР (14, р. 14).

Количество населения в млн.	1860-1870 гг.	1895-1900
Русский Дальний Восток	0.01	0.03
Маньчжурия (всего)	3	9
Гири и Хэйлунцзян	1	2-4
Калифорния	0.5	1.4

В конечном итоге характерной чертой дальневосточного региона становится факт опережения процесса имперского строительства народной колонизации, возможно, такое развитие ситуации было задано взаимодействием ряда факторов. Во-первых, значение этой территории осмысливается не в экономических, а в политических терминах. В «Программе деятельности администрации Приамурского края» (1887), составленной генерал-губернатором А.Н. Корфом прямо говорится, что Приморский край имеет «...главное и существенное значение для Империи исключительно политическое» (15 с. 102 об.). В «Записке об организации гражданского Управления Приморской области» (1886), подготовленной военным губернатором Приморской области отмечалось, что «за 30 лет своего существования [Приморская область] не успела ни заселиться, ни развить своих сил ...», но «Приамурский край ... был предметом вековых стремлений России, искавшей выхода из замкнутого круга своей территории в Европе. Присоединение этого края к России, осуществив веками преследовавшуюся государственную идею, обеспечило русскому народу широкое развитие сил и выполнение той роли, которую он призван играть на сцене всемирной истории и принять участие в деле грядущей цивилизации» (16, с. 116 об. – 117). Такая позиция была обусловлена на раннем этапе представлениями политиков о существовании вполне реальной угрозы занятия Англией этой территории. Позже появляется образ «просыпающегося Китая», и параллельно доминирующими становятся представления о стратегическом значении Тихого океана, как о Средиземном море будущего, а этой территории как форпоста России на Дальнем Востоке. В 1881 г. военный губернатор Приморской области И. Г. Баранов отмечал, что со строительством Панамского канала «очень вероятно политический центр тяжести в скором времени окончательно переместится из Атлантического в Тихий океан» (17 л. 12). В связи с этим, по его мнению, конкуренцию США в политическом преобладании на Тихом океане могли составить только 2 державы – Китай и Россия. Во-вторых, у России отсутствовал опыт реализации

либеральной модели колонизации, (мы не берем в расчет переселение в Россию немцев, или сербов, единственный пример такого рода - КВЖД, появится спустя столетия). В-третьих, определенную роль сыграла угроза сепаратизма, которой опасались в центре, причем ее возможность рассматривалась с разных точек зрения - вероятность отторжения этой территории от России в пользу какого-либо государства (прецедент с Мексикой), либо отпадение Дальнего Востока как самостоятельного государственного образования (мировой опыт развития колоний). В-четвертых, «в правительстве отсутствовало единство взглядов не только на содержание политики на Дальнем Востоке, но не было даже ясного представления о социально-экономическом и политическом статусе региона в составе Российской империи». Необходимость выработки программы развития приамурского региона отмечалась на разных уровнях. Полковник Тихменев (1868-1869), в записке «Главные выводы относительно настоящего положения Приамурского края», высказывал мысль о необходимости создания особого специального комитета по решению Амурского вопроса и создания правительственной программы «в отношении Приамурских колоний, т.к. существующий законодательный порядок, по исключительной сложности и ... по особой специальности Амурского дела не вполне применим к нему». (18 л. 8 – 8 об.) Попытка создания целостной программы развития края и утверждения ее в Комитете министров была предпринята генерал-губернатором Восточной Сибири Д.Г. Анучиным в 1882 г, позже, в 1887 г, с подобной инициативой выступил Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф, но и он не смог добиться финансирования своей программы. В-пятых, сказывалась отдаленность территории от центра, вкупе с отсутствием у местных властей полномочий самостоятельно решать принципиальные вопросы, а также незнание местных условий центральными властями, в связи с этим принятие решений не отвечающих нуждам края. Глава администрации - генерал-губернатор Восточной Сибири до 1884 г. (момента образования Приамурского генерал-губернаторства) имел резиденцию в Иркутске, поэтому возможность принятия оперативных решений была сведена к минимуму. Типичным был положение, когда исполнители на местах с большим опозданием узнавали о принятых в центре документах, призванных регламентировать жизнь в крае, а руководители в центре не успевали адекватно реагировать на меняющуюся ситуацию.

Таким образом, условия исторического развития требовали реализации либеральной модели колонизации для динамичного развития края. Присоединение Приамурья и Приморья совпало со временем «великих реформ», наряду с освобождением крестьян были осуществлены либеральные реформы в области городского и сельского самоуправления, военной повинности, судопроизводства, налоговой системы. Атмосфера либерализма повлияла и на решение дальневосточного вопроса, о чем свидетельствует характер документов, определявших условия и перспективу развития края, однако реальное воплощение проектируемых мер в жизнь встречало препятствия, порой сводившие на нет все благие начинания. На практике правительство оказалось неспособным к реализации либеральной модели колонизации, т.к. приоритетными оставались задачи

имперского строительства, в рамках которого государство ставило перед собой и решало не столько проблему колонизации, сколько проблему заселения края.

1. А. де Токвиль. Демократия в Америке. М: Прогресс. 1992.
2. М.Н. Целищев. Экономические очерки Дальнего Востока, - Владивосток, 1925
3. Рыбаковский Л.Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М., 1969.
4. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирью Административная политика второй половины XIX - начала XX века. Омск. Изд-во: Омский университет. 1997.
5. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906 – 1911 гг. – М.: Молодая гвардия, 1991.
6. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX века. Омск. Изд-во: Омский университет. 1995.
7. А. В. Алепо. Законодательное регулирование иностранного предпринимательства в Приамурье в 1860 –1917 гг. // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения. Хабаровск: Частная коллекция, 1999.
8. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 4, д. 9.
9. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 1, д. 502.
10. Everett .S .Lee. The Turner Thesis Re-examined. // The American experience. Pennsylvania. 1968.
11. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 2474.
12. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 4716.
13. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 121.
14. Dallin D. J. the Rise Russian in Asia. New Haven. 1949. p. 14
15. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 37.
16. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 34.
17. РГИАДВ. Ф. 701, оп.1, д. 124.
18. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 4790.

Галлямова Л.И.,
д.и.н., ст.н.с. г.Владивосток

Фактор личностного участия в истории освоения Дальневосточного края [На примере семьи Янковских]

Семья Янковских оставила глубокий и неизгладимый след в истории Дальневосточного края, след, который не смогли стереть долгие годы беспаятельства и враждебности. Не только сам родоначальник и глава семейства М.И.Янковский, личность незаурядная и одаренная многими талантами, но и его домочадцы столь самоотверженно и энергично обживали и обустроивали уссурийскую землю, что разнообразие их деятельности трудно поддается краткому описанию. Задача настоящего сообщения - акцентировать внимание на том вкладе, какой внесли Янковские в освоение дальневосточной окраины.

С научной точки зрения понятие «освоение» означает процесс, включающий три фазы: 1) открытие территории, ее присоединение, закрепление, формирование внешних границ; 2) изучение территории - географическое, картографирование, изучение морей, полезных ископаемых, флоры, фауны и т.д.; 3) народнохозяйственное использование - заселение, строительство населенных